

РЕЦЕНЗИИ

© 1999 г., ЭО, № 4

Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. 328 с.

Очередной коллективный труд, подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН, безусловно, заслуживает внимания и положительной в целом оценки. «В последние годы, – подчеркивает А.Н. Кожановский во "Введении", – в связи с крушением в России системы политико-идеологических запретов, этническая проблематика оказалась в центре пристального внимания – как научного, так и общественного» (с. 5). Негативно оценив теорию и практику «национального вопроса» в бывшем СССР и так называемую советскую теорию этноса, А.Н. Кожановский продолжает: «В этих обстоятельствах несколько сотрудников Института этнологии и антропологии РАН предприняли попытку проанализировать возникновение и судьбы – вплоть до настоящего времени – некоторых групп населения европейского "дальнего зарубежья", которые рассматриваются обычно в нашей науке в соответствии с выработавшейся традицией как "этнические" или "национальные" меньшинства. При этом авторы ставили перед собою несколько взаимодополняющих задач. Одна из них состояла в намерении ввести в отечественный научный оборот новый материал, избрав в качестве объекта исследования такие общности, которые до сих пор либо оставались вне пределов серьезного внимания российских/советских этнологов (в том числе и по причине цензурных запретов в советское время), либо описывались и трактовались в нашей этнографической литературе слишком общо и схематично. Составившаяся таким образом совокупность рассматриваемых "меньшинств" оказалась довольно экзотичной, включив евреев, немцев и русских старообрядцев Польши, мораван Чехии, помаков (болгар-мусульман) Болгарии, сербов Венгрии и Румынии, шведов Финляндии, фризов Нидерландов, бретонцев Франции и "мавров" Испании» (с. 5).

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы с наибольшей корректностью обрисовать общий замысел этого «экзотичного», по словам автора «Введения», коллективного труда, включая определение первой из поставленных перед авторским коллективом задач. Две последующие задачи формулируются намного короче: «внести определенный вклад в идущую не первый год в мировой науке дискуссию о сущности феномена этничности» и удовлетворить «повышенное внимание к способам, которыми другие страны решают проблемы, порожденные существованием этнических меньшинств». Оговорив, что авторы отдельных разделов в ряде случаев по-своему решали конкретные задачи, исходя из конкретного материала, отчасти испытывая на себе «ощутимое воздействие "злобы дня"», А.Н. Кожановский полагает, что сама по себе рассматриваемая работа кроме «основного содержания воплотила в себе спектр научных умонастроений группы отечественных страноведов на переломе общественно-исторического развития, когда сформировавшая их как исследователей эпоха внезапно закончилась и стала очевидной несостоятельностью или сомнительностью многих прежних постулатов» (с. 6). Этим рассматриваемый сборник интересен не менее, чем своим содержанием.

Что касается последнего, то несомненной удачей авторского коллектива можно считать структурную четкость статей, построенных по единой схеме. Отдельные отступления, вызванные спецификой фактологии, не заменяют этого общего благоприятного впечатления. И дело, разумеется, не только в том, что формальная выдержанность структуры статей способствует концептуальной целостности коллективного труда, но и в том, что это обстоятельство открывает возможности для обобщения приводимых данных и выявления в ряде случаев определенных закономерностей. Касается это и этнической истории соответствующих «меньшинств», и их культуры, и государственно-правовых актов, которыми регулировалось в прошлом и регулируется в настоящее время их положение в странах, о которых идет речь в рассматриваемой книге.

Правда, само историческое и нынешнее бытие этих этнических «меньшинств» (будем пока пользоваться термином, вынесенным в заглавие работы) в каждой стране складывалось далеко не однозначно. Так, если Польша (до разделов конца XVIII в. она вместе с Великим княжеством Литовским, согласно Люблинской унии 1569 г., составляла единое государство Речь Посполитую) в период между двумя мировыми войнами (после восстановления Польской Республики) являлась государством многонациональным, то после 1945 г.,

как подчеркивает автор раздела «Этнические меньшинства Польши» О.А. Гандкая, «стала страной с почти однородным национальным составом: большинство ее жителей – поляки (более 80%), незначительная часть (менее 2%) – белорусы, украинцы, русские, литовцы, словаки, немцы, евреи, татары, караимы, цыгане и др.» (с. 11). После распада в 1991 г. Чехословакии в Чешской Республике 13,2% жителей, в этническом отношении являющихся чехами, объявили себя мораванами, а 0,4% – силезцами.

Возьмем, к примеру, сербов в Венгрии и Румынии. Как справедливо указывает автор соответствующих статей М.М. Керимова, сербское меньшинство в указанных странах представляет собой часть основного этноса, в силу тех или иных исторических причин (они анализируются автором) отколовшегося от своего ядра, хотя и не утратившего этнокультурных связей с исторической метрополией (с. 74, 115). Сходная ситуация просматривается и на примере финляндских шведов, которым посвящена статья Н.В. Шлыгиной. «Переселение шведских крестьян на земли Финляндии, – отмечает она, – шло в течение всего средневековья», причем на Аландских островах в настоящее время шведы составляют абсолютное большинство населения – свыше 90% (с. 172, 174).

Своеобразием отмечено положение бретонцев Франции – потомков кельтов, населявших в первом тысячелетии до новой эры огромные территории Европы. Называя современных бретонцев одним из крупнейших этнических меньшинств Западной Европы, М.К. Любарт отмечает: «Бретонцы живут сегодня в условиях официального непризнания французским государством этнических меньшинств» (с. 270). По характеру своего формирования бретонцев можно соотнести с фризами Нидерландов и Германии (автор раздела М.И. Решина) – народом, сохранившим до нашего времени «часть территории первоначального расселения, самоназвание, язык, определенные черты самобытной культуры и отчетливое этническое самосознание» (с. 194). В этом смысле болгары-мусульмане (обширная статья о них написана Л.В. Марковой) имеют немало черт сходства и отличия от названных выше национальных меньшинств. Болгары-мусульмане, иначе именуемые «помаками», не только конфессионально, но и по этническому самосознанию отличаются от единокровных с ними православных болгар (некоторая часть болгар исповедует католицизм). Они, как поясняется в статье, «заняли особую нишу в этническом пространстве Болгарии, дистанцируясь и от болгар (по вероисповеданию), и от турок (по языку и особенностям культуры). Это "промежуточное" состояние характерно для всей их истории». Их этническое самосознание получило отражение и в самоназваниях – «болгаромагометане», «помаки», «ахряне», «турки», а в последнее время иногда – «арабы» и др. (с. 131, 132). И уж совершенно необычную разновидность этнических меньшинств среди рассмотренных в книге, составляют переселенцы-мусульмане из Северной Африки, которым посвящен раздел «"Мавры" современной Испании» (автор А.Н. Кожановский, с. 309–328).

Пестрота? Или, как дважды употребил это слово А.Н. Кожановский (с. 5, 309), «экзотичность»? Да, пожалуй. Но поставленные в один концептуальный ряд, эти характеристики во многом по-новому высвечивают далеко не всегда очевидные до этого грани и ракурсы привычной терминологии: «этнические меньшинства», «национальные меньшинства». В данном случае я менее всего склонен сколько-нибудь подробно останавливаться на содержании и оценке отдельных статей коллективного труда. В конце концов любой читатель данного интересного и насыщенного фактологическим материалом сборника может это сделать сам. Несравненно важнее, как представляется, обсудить, отталкиваясь от содержания рассматриваемой работы, некоторые теоретические аспекты или поставить вопросы для дальнейших размышлений.

Сперва об отношении к традиционным, но далеко не столь однозначно целостным представлениям об этничности в составе так называемой советской теории этноса. В основном суждения на сей счет сформулированы во «Введении». Вопрос поставлен следующим образом: «Можно ли по характеру элементов культуры, составляющих эту [т.е. этничности. – А.М.] основу с уверенностью утверждать, что в одном случае перед нами – особая этническая общность, а в другом – лишь часть какого-то более крупного образования, без всяких законных оснований претендующая на самостоятельность? Тот или иной ответ на эти вопросы ставит исследователя в ряды сторонников одной из существующих моделей объяснения феномена этничности – "примордиалистской", "конструктивистской" или "ситуационной"» (с. 9). По мнению автора «Введения», в советский период доминирование первого из названных направлений приводило к тому, что личность трактовалась в качестве «этнофора», которому этничность задана фактом рождения и «не может измениться на протяжении всей его жизни» (с. 4).

Трудно отрицать, что в оные годы в области «национального вопроса» было достаточно нелепостей. В том числе и в конъюнктурных сочинениях многих коллег-этнографов. Впрочем, от разного рода нелепостей не избавились мы и в постсоветских публикациях, многие из которых отмечены не менее конъюнктурной односторонностью по принципу «все наоборот». Но не о них сейчас речь. И хотя со многими утверждениями

А.Н. Кожановского нельзя не согласиться, в целом нарисованная им картина «теории этноса» способна вызвать недоумение.

Разумеется, идеологические установки и цензурный догляд наложили сильный отпечаток на развитие отечественной науки, не обойдя, естественно и этнографию. И все же те ученые, которые имели свое мнение, так или иначе стремились высказывать его. Напомню хотя бы о концепции Л.Н. Гумилева, как бы к ней не относились ни тогда, ни теперь. Не могу не сослаться и на фундаментальный труд старейшего петербургского этнографа Л.П. Потапова «Алтайский шаманизм», увидевший свет в 1991 г. Эта классическая монография подвела итог многолетним исследованиям автора, которые нашли отражение в его предшествовавших публикациях. Впрочем, книга эта – наиболее яркий, но далеко не единственный пример работ представителей ленинградской/петербургской школы этнографии, сочетающей владение обширным историко-этнографическим материалом с его теоретическим осмыслением, в том числе и с учетом многих положений злополучной «теории этноса». Кстати, эта теория принималась во внимание и при разработке этнографических и культурно-исторических аспектов развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Возникает вопрос: не продиктована ли критика «незыблемости» упомянутой теории определенной узостью историографической базы, лежащей в основе самой критики?

На мысли такого рода наводит ознакомление с перечнем цитируемой в коллективном труде отечественной литературы. В том числе непосредственно относящейся к этнической истории поляков, чехов, сербов, болгар и др. Напомню, что проблематика эта широко представлена в книгах серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму»¹, в коллективных монографиях, посвященных эволюции этнического самосознания славянских народов, во многих других монографиях и статьях 1970-х – начала 1990-х годов. Из этого круга работ в рецензируемом труде упомянуто лишь немногое: монография «Чешская нация на завершающем этапе формирования» (1989) – в статье Н.Н. Грацианской, монографии И.И. Лещиловской и В.И. Фрейдмана, статья Г.Г. Литаврина – в статьях М.М. Керимовой. И, кажется, – это все. Между тем, более широкое обращение к обозначенному мною кругу работ могло бы внести существенные коррективы в провиденциально-жуткий облик «теории этноса», возникающий после прочтения соответствующих разделов «Введения».

Позволю себе привести лишь два примера из собственной практики. Первый – о якобы всеобщей и обязательной приверженности к пресловутому «примордиализму». В монографии «Возникновение национально-просветительской идеологии в Чешских землях», изданной на чешском языке в Праге с подробным русским резюме (1974), был поставлен вопрос о феномене «самоотнесения личности к определенному национальному коллективу»². Второй пример касается постановки вопроса о возможных альтернативах процесса формирования наций на моравском материале (1974)³.

Означает ли сказанное, что я пытаюсь защитить «незыблемость» поминаемой недобрыми словами «теории этноса»? Нет, конечно. Построенная изначально на преимущественно европейском этническом материале, она уже в те годы вызывала немало сомнений и вопросов. И кратко упомянутые мною работы прошлых лет подтверждают это. В частности, уже тогда теория эта была искусственно догматизирована, а многими адептами и попросту опошлена, в том числе в ходе бесконечных и малопродуктивных дискуссий. Мне думается, однако, что перечеркивание накопленного теоретического опыта, внося лишь сумятицу и теоретический беспредел в духе научного стриптиза, едва ли способно принести пользу. Наиболее показательным подтверждением сказанному служит попытка очередного переистолкования термина «нация». И если прежний подход приводил, как справедливо подчеркивает А.Н. Кожановский, к универсализации этнического начала (с. 4), то ныне противвесом ему угрожает стать идея «деэтнизации» понятия «нация». При этом почему-то забывается, что за понятием этим стоят совершенно разные исторические реалии – пути формирования наций. В сущности это та же догматизированная универсализация, от которой мы хотим избавиться. Ответ, на мой взгляд, следует искать на путях типологизации, без которой теоретические построения рискуют стать научной миной замедленного практического действия⁴. С этим переходим к вопросу, занимающему в рассматриваемом коллективном труде одно из важнейших мест: правовому регулированию положения этнических меньшинств в странах, о которых идет речь.

Несомненный интерес, в частности, представляет аспект, связанный с соотношением этнического и политического в трактовке понятия «нация». Сперва посмотрим, как это выглядит в странах, которые с 1945 по 1989 г. назывались социалистическими – Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, а также Чехия после распада в 1991 г. Чехословацкой Федеративной Республики.

Как отмечает О.А. Ганцкая, «в послевоенные годы, согласно постановлению ЦК ПОРП, было признано, что в Польше есть только один народ – польский... После избрания на выборах 1996 г. новым президентом А. Квасьневского, естественно, встает вопрос о политике нового правительства по отношению к этническим

меньшинствам» (с. 12). Впрочем, продолжает автор, проект закона о национальных и этнических меньшинствах был разработан еще в 1995 г., в период президентства Л. Валенсы (с. 13).

В Венгерской Народной Республике равенство граждан перед законом, независимо от их происхождения, в том числе этнического, было декларировано еще в Конституции 1949 г. и подтверждено в Конституции 1972 г. «Почти все исследователи, – поясняет М.М. Керимова, – отмечают, что эти принципы начали претворяться в жизнь только в 70-х годах, а до этих пор десятилетиями давала себя знать печально известная политика деэтнизации» (с. 92).

Пожалуй, с наибольшей силой последняя тенденция заявила о себе в Румынии при многолетнем правлении Н. Чаушеску. Смысл ее сводится к тезису: «в Румынии существует единая и монолитная румынская нация» (с. 110). Впрочем, как отмечает М.М. Керимова, нечто подобное было провозглашено коммунистической партией страны еще в 1945 г. (с. 113). По румынской Конституции 1965 г., меньшинства представляют собой не более, чем «особые культурно-языковые группы единой социалистической нации Румынии» (с. 114).

Наиболее отчетливо курс на насильственную этнокультурную интеграцию, как видно из обстоятельной статьи Л.В. Марковой, проявился после 1956 г. в Болгарии. Если при Г. Димитрове осуждение болгарского национализма сочеталось с «предоставлением меньшинствам равных прав с титульным этносом» (с. 15), то в секретных решениях апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП прежний курс был резко изменен. «Утверждалось, что опыт многонационального Советского Союза для Болгарии не подходит; у нее свой путь национального развития, нацеленный на создание в недалеком будущем "единой болгарской социалистической нации"» (с. 157). К чему это приводило на практике, убедительно показано автором статьи: «Реализация этой программы началась в среде болгар-мусульман с агитации за смену частей народной одежды, символизирующих причастность к исламу». Но скоро силовые приемы искоренения традиционной культуры этой части болгарского населения показали свою несостоятельность. «И в этом [отмена "культурной революции" – А.М.], – подчеркивает Л.В. Маркова, – есть, возможно, заслуга болгарских этнографов, которые в 1959 и 1960 гг. были командированы в Родопы для наблюдения за ходом этой кампании» (с. 159).

Что касается «моравского вопроса» в современной Чехии, то он вновь напомнил о себе в связи с разделом Чехословакии на два государства. И события эти, как пишет Н.Н. Грацианская, «заставили парламент и правительство Чешской республики подходить с осторожностью к вопросу о Моравии и стараться предвидеть возможные последствия разных вариантов его решения» (с. 70).

Сопоставительное рассмотрение способов регулирования межнациональных отношений с учетом прав меньшинств в указанных странах поучительно. Ибо тенденции к этнической интеграции населения этих государств не были следствием только тех или иных, в том числе «социалистических», установок. В гораздо большей мере в этом, независимо от употреблявшейся фразеологии, можно усмотреть результат некоего противоречия между этническими (этнокультурными) и политическими (государственными) аспектами в понимании термина «нация», за которым стоит комплекс объективно существующих явлений.

Наличие такого противоречия, если ограничиваться материалами рецензируемой книги, подтверждается примерами фризев Нидерландов и ФРГ, но в особенности бретонцев Франции. Подчеркивая, как указывалось выше, что Французское государство официально не признает существования у себя меньшинств, М.К. Любарт поясняет: «Во Франции признание существования одного народа в границах "единой и неделимой" республики, безусловно, имеет свой политический смысл и освящено исторической традицией» (с. 270). А традиция эта, как показано далее, восходит к эпохе Великой Французской революции 1789 г., когда понятие «народ» стало ассоциировать с понятием «государство», т.е. приобрело не этнический, а политический смысл, иначе говоря, было деэтнизировано (с. 289). «Переход на французский язык населения, прежде говорившего на своих, "местных", языках, был важной политической тенденцией, обусловленной необходимостью функционирования единой политико-административной системы в охране и армии... Единый государственный язык стал символом гражданского сплочения единства французской нации» (с. 291).

Ничего похожего в странах восточноевропейского ареала не было. Наоборот, процесс формирования наций сопровождался национально-освободительными движениями неполноправных народов за свои социальные и национальные права. Этот общеизвестный факт получил отражение и в статьях данной книги, посвященный ситуации в Польше, Чехии/Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Сказанное еще раз подтверждает, сколь опасно универсализировать понятие «нация», принимая в качестве единого эталон, на деле оказывающийся лишь одним из возможных. В этом смысле концепция «советского народа как новой исторической общности», потерпевшая неудачу, имела больше резонансов (хотя бы в интересах утверждения

общегосударственных политических и этнокультурных стереотипов в многонациональной стране), нежели внешне сходные с французской практикой неуклюжие попытки бывшего коммунистического руководства Венгрии, Румынии или Болгарии создать с помощью ассимиляции этнических меньшинств «единые социалистические нации». И в первую очередь потому, что попытки эти шли вразрез со всем опытом предшествовавшего исторического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Еще один вопрос, возникающий при чтении книги: «этническое меньшинство» и «национальное меньшинство» – это синонимические понятия или нет? Наверное, вопрос этот возникал и перед авторским коллективом, поскольку во «Введении» осторожно сказано, что создатели книги использовали терминологию в соответствии с традициями отечественной науки (с. 5). Но с какими именно? Любопытно соотнестись с опытом польских коллег, о чем специально сказано в статье О.А. Ганцкой. Так, польский социолог Э. Новицка предлагает четыре признака, характеризующие этничность: культура, генеалогия, тип ментальности, занимаемая территория. Конкретизируя эти признаки применительно к этническим меньшинствам, она намечает следующие аспекты: место данной группы в отношениях с большинством, численное соотношение между ними, степень изоляции и взаимных контактов между ними, наличие постоянных связей внутри групп меньшинства и большинства и между ними. Польский этнограф А. Посерн-Зелинский относит к меньшинствам иммигрантов и их потомков, сохранивших свою культурно-языковую, а иногда и территориальную обособленность, «образуя автономную группу в рамках общества страны проживания» (с. 11–12). Но, приводя суждения наших зарубежных коллег, было бы опрометчиво забывать, что искомым ответ на поставленный вопрос содержится и в ряде статей рецензируемого труда.

В самом деле, все ли анализируемые в нем группы расположены на едином таксономическом уровне? И во всех ли случаях их терминологическая квалификация однозначна? Несомненно, сербы, проживающие в Венгрии и Румынии, либо шведы, живущие в Финляндии, а также североафриканские иммигранты в Испании представляют собой классические национальные меньшинства. Но уже мораване в Чехии или помаки в Болгарии являют исключение, причем исключение особого рода. Мораване – потому что отражают сильную степень исторически сложившегося областнического самосознания в пределах одной и той же чешской нации. Приведенные Н.Н. Грацианской слова моравского этнографа Душана Голого, сказанные в 1993 г. («я чех по национальности, но... из Моравии»), – тому свидетельство (с. 72). Помаки – исключение, потому что они, по словам Л.В. Марковой, будучи этническими болгарами, заняли как конфессиональное меньшинство «особую нишу в этническом пространстве Болгарии» (с. 131).

Соотносимо ли с этими меньшинствами положение фризов и бретонцев? Проживающие по сей день на давней территории своего расселения, обладая устойчивым этническим самосознанием, которое закреплено в их традиционной культуре, отстаивая свои национальные права (это убедительно показано в статьях М.И. Решиной и М.К. Любарт), фризы и бретонцы едва ли могут быть названы национальными меньшинствами. Это – малые или малочисленные народы со своей историей и культурой (точно также не являются национальными меньшинствами малочисленные народы Сибири). Так в чем же состоит отличие от них национальных меньшинств? В том, что национальное меньшинство представляет собой группу людей, возникающую (далее цитирую М.М. Керимову) «в результате отрыва части этноса от его основного ядра, части, до сих пор не утратившей связей с исторической родиной» (с. 74). С этой точки зрения формула «этническое меньшинство» по смыслу шире формулы «национальное меньшинство», что справедливо нашло отражение и в названии книги.

Завершаю рецензию тем, с чего начал: очередной труд московских коллег заслуживает положительной оценки и читательского внимания. Положительной оценки потому, что включенные в него статьи отмечены высоким уровнем профессионализма. Собранные вместе и объединенные концептуально, они вводят в поле зрения читателей обширный, а в ряде случаев малоизвестный фактический материал. Читательского же внимания рассматриваемый труд заслуживает потому, что побуждает еще раз задуматься над убедительностью многих, ставших привычными теоретических стереотипов и сопровождающей их терминологии. Поэтому нельзя не согласиться с заключительными словами автора «Введения», что изданная книга «расширяет кругозор читателя, интересующегося этнической проблематикой, и при этом настойчиво предостерегает от поверхностных аналогий и упрощенных выводов – особенно практических» (с. 10). Последнее, пожалуй, самое важное.

Примечания

¹ См.: Библиография книг серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры» // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С. 227.

² *Myl'nikov A.S. Vznik národně osvícenské ideologie v Českých zemích 18. století: Peameny národního obrození. Pr., 1974. S. 248.*

³ *Мыльников А.С. «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в.: К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 41–54; ego же. К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах // Расы и народы. Ежегодник. Т. 5. М., 1975. С. 42–55.*

⁴ *Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 173–174.*

А.С. Мыльников

© 1999 г., ЭО, № 4

Воспоминания о М.К. Азадовском / Сост., предисл., примеч. И.З. Ярневского. Иркутск, 1996. 209 с.

В декабре 1998 г. исполнилось 110 лет со дня рождения одного из крупнейших наших филологов – фольклориста, этнографа-сибироведа и литературоведа Марка Константиновича Азадовского. Когда отмечалось 100-летие со дня рождения ученого, авторы статей и заметок о нем констатировали, что три десятилетия, прошедшие со дня его смерти, не приостановили поток публикаций работ исследователя. Продолжали появляться книги (фундаментальный двухтомник «История русской фольклористики». Т. I–II. М., 1958, 1963; сб. «Неизданное и забытое. Статьи и письма». Новосибирск, 1978; «Сибирские страницы». Иркутск, 1988), статьи, в том числе и написанные в последние годы жизни декабристоведческие работы. Среди них и такая значительная, как «Затерянные и утраченные произведения декабристов», вышедшая в серии «Литературное наследие» (1954. Т. 59). По прошествии 10 лет можно утверждать, что поток посмертных публикаций хотя и не столь обилен, но все же явно не иссякает. Продолжалась публикация эпистолярного наследия М.К. Азадовского (далеко не исчерпанного). Самым значительным явлением в этой сфере стал сборник «Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954» (М., 1998).

В 1998 г. в серии «Литературные памятники» вышел двухтомник «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым» (СПб., 1998. Т. 1. 500 с; Т. 2. 655 с.), посвященный 110-летию со дня рождения М.К. Азадовского, в семинаре которого еще в первые послевоенные годы началась работа над этим классическим сборником русского фольклора. И наконец, издательство Иркутского университета, профессором которого ученый был в годы своей молодости, а затем в годы Отечественной войны, издало книгу «Воспоминания о М.К. Азадовском».

Составитель сборника И.З. Ярневский был доцентом Кафедры русской литературы Бурятского пединститута. Он начал свою работу над ним в середине 1980-х годов. В выходных данных книги значится 1996 г. Дело не только в том, что составление сборника оказалось сложным (учеников и сотрудников М.К. Азадовского с каждым годом становилось все меньше и меньше). В 1991 г. жизнь И.З. Ярневского трагически оборвалась: он скончался после двух сложнейших операций. Трагической оказалась и судьба книги. Она была отпечатана в 1996 г. в одной из типографий Омска, однако у Иркутского университета не оказалось денег для оплаты типографских расходов. К концу 1998 г. книга все еще не дошла до читателей, если не считать нескольких случайных авторских экземпляров. Начали появляться первые рецензии. Книга существует и как бы не существует, потому что пребывание на складе типографии не есть нормальное существование книги.

В сборник вошло 16 воспоминаний учеников, сотрудников или близких М.К. Азадовскому лиц: его учеников 1920-х годов по Институту народного образования в Чите (О.Г. Петровская) и Иркутскому университету (Ф.А. Кудрявцев, Г.Ф. Кунгуров), сибирского поэта А.С. Ольхона, студентов и аспирантов Ленинградского университета предвоенных и первых послевоенных лет (В.С. Бахтин, Д.Б. Кацнельсон, Д.М. Молдавский, И.П. Лупанова, К.В. Чистов), слушателей Иркутского университета военного времени (Е.В. Баранникова, В.А. Ковалев, В.П. Трушкин, Л.В. Черных), сотрудников М.К. Азадовского послевоенного времени (Б.Н. Путилов), А.И. Малютинной, общавшейся и переписывавшейся с ним, жены М.К. Азадовского – Л.В. Азадовской и их родственницы Г.К. Кислинской. Перечень участников сборника уже сам по себе характерен: он отразил широту интересов и научных связей М.К. Азадовского. Среди них – фольклористы, литературоведы, историки, литературные критики С.-Петербурга, Москвы, Карелии, Башкирии, Волгограда, Украины и, разумеется, Сибири.